

при бесчисленных войнах между захватчиками за власть. Исследователь найдет в записях много ярких фактов, характеризующих тяжелое положение трудового люда Армении и его беспощадную эксплуатацию.

По данным записей, часть зажиточного населения Армении переселялась в Грузию, Крым и в другие места, на которые не распространялась власть тюркских завоевателей Армении.

Обращает на себя внимание тот факт, что оставшиеся в Армении мелкие феодалы, превратившиеся в вассалов крупных феодалов из среды завоевателей, очень часто называются уже тюркскими именами. Видимо, и в Армении, как и в Византии, процесс тюркизации в первую очередь захватил какую-то часть класса феодалов, стремившуюся такой ценой спасти свои привилегии.

Интересный материал содержится в записях относительно положения церкви в условиях феодальных войн между захватчиками. Он показывает, что материальное положение монастырей было относительно удовлетворительным. Завоеватели учитывали возможность укрепления своей власти и путем использования влияния церкви и потому предоставляли ей льготы и преимущества. Вместе с тем в записях встречаются факты, рисующие сильную эксплуатацию трудящихся в церковных организациях.

Очень интересны данные записей касательно научной и литературной деятельности в Армении даже при тяжелом гнете завоевателей. Значительное количество фактов говорит о том, что активно действовали ученые школы Григора Татеваци и Товма Мецобеци. Ученые обители стали создаваться и вне Армении. Так, например, в Кафе (Феодосия) был создан монастырь, в котором занимались изучением Аристотеля, Порфирия и других греческих мыслителей, переведенных на армянский язык. Таким образом, и в самой Армении, и в армянских колониях культурная деятельность продолжалась, причем поддерживались традиционные связи с греческой наукой.

Памятные записи — живые документы своего времени. Они отмечают все то, что особенно бросалось в глаза. Оценка событий в записях часто дается сквозь призму средневекового, религиозного мышления. Тяготы и несчастья рассматриваются иной раз как кара за грехи. Но немало оценок вполне реалистических, проникнутых ненавистью к эксплуататорам и захватчикам.

Учитывая обилие ценного материала, собранного в томе и интересного не только для историков Армении, приходится признать серьезным пробелом издания отсутствие более или менее подробного резюме на русском языке.

И. К. Кусикьян

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Интерес к византиноведению не случаен: он объясняется тем, что история Византии органически связана с национальной историей ряда народов, поскольку их сношения с соседней Византийской империей составляют существенную часть их средневековой истории. Если у некоторых европейских и азиатских народов взаимоотношения с Византией и взаимные влияния были сравнительно ограниченными, то чешский и словацкий народы занимают иное положение. В IX в. их сношения с Византийской

империей были настолько оживленными, что история чешских земель той эпохи тесно смыкается с византиноведением; да и в последующее время чешско-византийские отношения играли важную роль.

Зарождение византиноведения в нынешней ЧСР связано с именем Константина Иречека, который впервые стал читать в Пражском университете лекции по византийской истории. Однако К. Иречека нельзя считать основателем чешского византиноведения, так как он вскоре переехал в Вену, не оставив никаких традиций в Пражском университете. Систематическое изучение византийской истории началось только в 1902 г., когда Ярослав Бидло выступил с большой информационной статьей по историографии Византии¹, где он дал последовательный обзор возникновения и развития византиноведения на Западе и в России. Статья эта не утратила своего значения и до настоящего времени.

Позитивист по своим философским взглядам, Я. Бидло вышел из семинара Я. Голла, основателя критической школы в чешской историографии; вместе с тем он многое приобрел в Московском и Петербургском университетах, где слушал В. О. Ключевского и Н. И. Кареева. Немало дало ему и изучение трудов русских византиноведов, в частности В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. Влиянием русских ученых можно объяснить его интерес к философии истории и стремление рассматривать Византию и средневековые государства Восточной Европы как страны, связанные определенной культурно-исторической общностью. Таким образом он приходил к пониманию византийской истории как истории европейских и азиатских народов, находившихся под влиянием византийской культуры. К сожалению, обобщенное изложение взглядов Я. Бидло осталось только в его лекциях в качестве своего рода завета ученикам². Ему удалось опубликовать (к тому же в очень сокращенном виде) лишь несколько глав, носящих обзорный характер и охватывающих период от конца античности до середины XI в.: они появились в третьем томе многотомной всеобщей истории³.

Изучение истории Византии в ЧСР было сосредоточено до сих пор главным образом в Карловом университете в Праге, хотя там и отсутствует специальная кафедра византиноведения. При этом проблемы византиноведения чаще всего изучались в связи с более широкой тематикой, например в связи с историей славянского мира или арабов⁴, а также в работах по церковнославянской литературе (труды Вайса, Вейнгарта, Вашицы, Курца),

¹ J. Bidlo. *Studia byzantologica a Karla Krumbachera. „Geschichte der byzantinischen Literatur“*, Český časopis historický, 1902.

² Среди монографий и основных статей Я. Бидло надо особо отметить его работу *Cesta Metodějova do Cařihradu* (Časopis Matice Moravské, 1916) и прежде всего небольшое сочинение *Kultura byzantská. Její vznik a význam*, Praha, 1917, которое должно было послужить первой главой подготовлявшегося Я. Бидло синтетического труда. Он издал также сочинение Савы Хиландарского: *Sáva Chilandarec. Kniha o Svaté Hoře Athonské*, Novočeská bibliotheka, № XL. Praha, 1911. Перечень трудов Я. Бидло, составленный М. Пауловой, см. в сборнике в честь шестидесятилетия Я. Бидло: „Z dějin východní Evropy a Slovanstva“. Praha, 1928.

³ *Dějiny lidstva od pravěku k dnešku*. Praha, 1936—1942 (части I—III, IV, вып. I, V, VI). Главы, охватывающие историю Византии от середины XI в. до 1453 г., написаны М. Пауловой.

⁴ Например: Е. Проcházková — Р. Suchá. *Poměr t. zv. pannonských legend k legendám byzantským*. Časopis Matice Moravské, 1939. — М. Paulová. *Styky českých husitů s Cařihradskou církví na základě církevních poměrů byzantských*. Časopis Českého Muzea, 1918; *Účast Srbů při třetí výpravě křížové*. Byzantinoslavica, V, 1939; *L'islam et la civilisation méditerranéenne*. Věstník Král. čes. společnosti nauk, 1934. К. Вáртová, *Igorova výprava na Cařihrad r. 941*. Byzantinoslavica, VIII, 1939—1946. В книге Й. Мацурека (*J. Mačurek. Dějepisectví evropského východu*. Praha, 1946) имеются соответствующие главы по истории Византии.

по искусству (особо следует выделить выдающиеся работы Н. Л. Окунева)⁵, по вспомогательным дисциплинам и т. д.⁶ Большое значение имеет работа М. Вейнгарта, который дал обзор и филологический анализ церковнославянских переводов византийских хроник, в первую очередь обеих редакций хроники Георгия Амартола⁷. В 1929 г. Славянский институт (в настоящее время Институт славяноведения ЧСАН) начал издавать под редакцией М. Вейнгарта журнал *Byzantinoslavica*, посвященный изучению византино-славянских отношений; с этого времени вокруг него сосредоточились чешские византилисты. До 1946 г. вышло 8 выпусков (восьмой был подготовлен еще до начала войны), а после войны журнал был превращен в международный византиноведческий орган, выходящий в настоящее время на русском, французском, английском и немецком языках.

За последние годы чехословацкое византиноведение обогатилось большим количеством новых данных, полученных прежде всего в результате археологических изысканий, которые были успешно проведены благодаря большим финансовым средствам, ассигнуемым народно-демократическим правительством Археологическому институту ЧСАН для проведения раскопок. Во главе этого института в Праге стоит акад. Ярослав Бем, а во главе филиала в Брне — Йосиф Поулик.

Раскопки, которые этот институт смог развернуть в большом масштабе начиная с 1948 г., привели к поразительным открытиям (в частности, в Южной Моравии), составившим предмет ряда выдающихся научных работ. К области византиноведения относится материал, касающийся периода IV—X вв., т. е. времени, на которое приходится заселение нашей территории предками чешского и словацкого народов, аварское господство в Карпатской котловине и образование Великой Моравии.

Через территорию Чехии и Моравии, как свидетельствуют прежде всего находки так называемых варварских монет, уже в кельтскую эпоху проходил оживленный торговый путь, который связывал северные области Европы с Средиземноморьем. Находки римских и золотых византийских монет в бассейне Лабы и Одера, в Швеции и на Готланде свидетельствуют о торговых сношениях европейского севера с Италией и Византийской империей. Главной артерией был известный «янтарный путь» из Подунавья по реке Мораве к Одру. Давно уже установлено, что эти торговые связи были прерваны в VI в., ибо находки более поздних византийских солидов почти совершенно отсутствуют. Обзор находок монет на чешской и словацкой территории, законченный и изданный в 1955 г. Нумизматическим отделом Национального Музея в Праге⁸, подтвердил, что на этой территории последние золотые монеты этого периода относятся ко времени правления императора Юстиниана. Принято считать, что причиной прекращения торговых сношений было утверждение авар на территории нынешней Венгрии.

Эпохе аварского господства посвящен обширный труд академика Яна Эйснера, в котором исследуется могильник в Девинской Новой Веси; этот труд, награжденный государственной премией⁹, явился плодом пятнадцатилетней исследовательской работы. Нова Весь расположена в Братислав-

⁵ Перечень его работ см. в некрологе: *Byzantinoslavica*, X, 1949.

⁶ См. М. Paulová. *Byzantine Studies in Czechoslovakia during the occupation of 1939—1945*. *Byzantinoslavica*, IX, 1947.

⁷ М. Weingart. *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské*, t. I—II. Bratislava, 1922—1923, p. 823. Перечень его работ см. в некрологе, написанном Й. Курцем: Miloš Weingart. *Byzantinoslavica*, VIII, 1939—1946.

⁸ *Nálezy mincí v Čechách, na Moravě a ve Slezsku*, t. I, 1955, Red. E. Nohejlová-Prátová.

⁹ J. Eisner. *Devínská Nová Ves. Slovanské pohřebiště*. Bratislava, 1952.

ских воротах, на восточном (левом) берегу реки Моравы, близ впадения ее в Дунай; она лежит к северу от замка Девин, который в средние века, по свидетельству Фульдской летописи, называли *Dowina* и где восточно-франкский король Людовик Немецкий в 864 г. осаждал моравского князя Ростислава.

Труд Я. Эйснера состоит из двух частей. В первой части содержится сообщение о раскопках 883 нововесских могил (а также об отдельных находках) и о результатах исследования. Во второй части автор рисует картину материальной культуры населения, хоронившего своих покойников в этом могильнике, который служил кладбищем для жителей целого края; вместе с тем здесь поставлен и разрешен ряд проблем, связанных с утверждением аварского господства на территории Венгрии. Анализ погребального ритуала нововесского могильника, а также керамики, украшений, железного инвентаря, изделий из рога, кости и т. п. приводит автора к заключению, что в этой области прослеживаются не только и не столько следы культуры авар-кочевников, сколько памятники доаварской культуры Подунавья. Носителями этой культуры были славяне, а аварскимномадам принадлежало оружие, конская упряжь и украшения из нововесского могильника. Последняя глава этой книги рассматривает важную историческую проблему, а именно вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего могильник в Новой Веси. Этот могильник является самым большим кладбищем на западной окраине Карпатского бассейна, где господствовала в то время так называемая аварская культура. Однако анализ инвентаря бесспорно свидетельствует о сосуществовании и даже слиянии славянского и аварского населения, причем славяне численно превосходили авар. Следовательно, могильник в Новой Веси — это большой славянский могильник; мы можем датировать его приблизительно 625—800 гг. Окрестности Девинской Новой Веси были в то время не северным опорным пунктом авар, но славянским районом, находившимся на восточных границах области, некогда бывшей под властью Само.

Для византиниста представляет существенный интерес ряд выводов Я. Эйснера, основанных на археологическом материале. По его мнению, авары расселились прежде всего в котловине среднего Подунавья, где, кроме кельтов, готов, гепидов, сарматов, гуннов и, должно быть, лангобардов, они нашли еще и остатки римского населения и прежде всего многочисленное славянское население. Славяне и на этой территории, где они оказались под непосредственным господством авар, не утратили своей племенной принадлежности и сохранили свою самобытность и культуру. В этой связи Я. Эйснер, опираясь на специальные исследования и, в частности, на собранные словенским историком Й. Малом данные, указывает, что многие юридические и административные термины были заимствованы у славян венграми и вошли в словарный фонд венгерского языка. Вместе с Г. Лабудой Я. Эйснер объясняет успехи Само согласованностью его политики с политикой византийской, отмечая, что борьба Само и Византийской империи против авар велась почти в один и тот же период (623 и 626 гг.). По мнению Я. Эйснера, ареной боев славян (под руководством Само) с аварами и была обширная область вдоль южного течения реки Моравы; он считает вероятным, что политический центр племенного союза Само находился в свое время в Девине. Северный берег среднего Дуная был, по данным чехословацкой археологии, населен славянами задолго до вторжения авар.

Юго-западная Словакия с Девинином и Новой Весью являлась важным стратегическим районом в обороне княжества Само против авар. Я. Эйснер, как и ряд других исследователей, полагает, что основные центры

княжества Само сложились вне границ Чехии. На вопрос о территории этого княжества он не дает ясного ответа, но, по-видимому, склоняется к мнению, что в его состав не входили земли каринтийских славян.

Для историка Византии представляет большой интерес проблема аварского вторжения и влияния аварской культуры на соседние области. Через Моравию авары прошли во время своего третьего похода на Тюрингию (595 г.) — к этому времени они уже осели в Карпатской котловине. Как свидетельствуют археологические данные, их влияние на Моравию и другие соседние области было минимальным: в Австрии, у каринтийских славян, у хорватов (между Савой и Дравой), а также к северу от Карпат и Судет памятники так называемой кестельской (аварской) культуры встречаются только спорадически. В Словакии памятники кочевой аварской культуры встречаются лишь в могильниках Поморавья и на южной и восточной окраинах. В Словакии преобладают могилы с трупосожжением: сначала в полях погребения, потом в курганах. Не принадлежат аварам и наиболее древние погребения с труположением: в них над скелетами насыпаны курганы, которых авары не знали. Таким образом, аварское влияние не проникало даже в коренную часть Словакии. В Чехии были найдены лишь отдельные аварские литые бронзовые предметы, датируемые приблизительно 800 г., — последние образцы аварского литейного дела. Их не приходится считать следами этнической группы, проникшей на чешскую территорию; Я. Эйсер считает их продуктами ввоза, попадавшими в Чехию в небольшом количестве, вероятно, из какого-нибудь моравского центра.

Только в южноморавских долинах, куда вели от Дуная два пути (один от венских переходов к Мистельбаху и к Свратке, а другой — Братиславскими воротами к моравскому Поморавью) найдены — наряду с доаварскими — памятники аварской (кочевой) культуры, однако не очень многочисленные. К тому же все это памятники сравнительно поздние, относящиеся к началу IX или, самое раннее, ко второй половине VIII в. При этом ремесло местного населения развивалось под постоянным влиянием старой культуры, сложившейся в Карпатской котловине. Именно под влиянием доаварской культуры подунайского типа распространилось в Моравии в VIII в. ремесленное гончарное производство и ювелирное дело. Я. Эйсер предполагает, что к концу существования аварского государства часть ремесленного населения из Подунавья перешла в Моравию, которая переживала тогда период быстрого общественного и культурного развития. Среди этих ремесленников аварский элемент был совершенно незначителен или вовсе отсутствовал.

Рассматривая вопрос об аварском влиянии на Моравию, Я. Эйсер высказывает особую точку зрения на происхождение и область распространения украшений в виде металлических бляшек (золотых, серебряных, бронзовых) и тяжелых литых бронзовых предметов, встречающихся в инвентаре аварских могильников; вместе с тем он пересматривает вопрос об интенсивности непосредственного византийского влияния на аварскую культуру. В противоположность Н. Феттиху и Д. Чаллань, признававшим наличие ранней и поздней фазы в развитии аварской культуры, Я. Эйсер в принципе склоняется к мнению А. Альфельди о том, что эти две категории памятников относятся к одному и тому же времени. А. Альфельди усматривал в золотых, серебряных и бронзовых бляшках украшения болгар-кутригуров, т. е. считал их памятником припонтийского и византийского происхождения, тогда как в литых бронзовых предметах он видел продукцию аварских ремесленников, прибывших из Азии. Н. Феттих считал эти две категории памятников разновременными: в литых бронзовых

предметах он видел продукцию гепидских литейщиков, пришедших на смену более древним припонтийским мастерам. Таким образом, он пришел к выводу, что в Карпатскую котловину первоначально проникло сильное византийское влияние и, в частности, туда ввозились драгоценные украшения, изготавливавшиеся в Византии; вместе с тем там появились местные мастера, подражавшие продукции византийских мастерских. Д. Чаллань пытался выяснить причины, приведшие к изменению техники металлического производства и возникновению производства литых бронзовых предметов с орнаментом в виде грифов и мотива растительного усика. Он объясняет это уменьшением прилива золота и серебра из других стран, обнищанием господствующего класса аварского общества и увеличением спроса со стороны масс рядовых свободных.

Эта сложная проблема отнюдь еще не может считаться решенной; остаются неясными, в частности, многие детали периодизации. Я. Эйсер становится на сторону теории одновременного существования обеих категорий памятников. Он считает неправдоподобным, чтобы аварские или гепидские литейщики только после столетнего пребывания авар на территории Венгрии возобновили среднеазиатскую технику литья массивных бронзовых предметов и перенесли на них мотивы, которые будто бы существовали до того только в скульптуре из дерева и кости, как полагает Н. Феттих. Причиной прекращения византийского импорта и убывания золота и серебра в аварском государстве Я. Эйсер считает образование Болгарского государства на севере Балканского полуострова, которое отрезало Карпатскую котловину от Константинополя. Как и А. Альфельди, он полагает, что производство литых бронзовых предметов началось одновременно с изготовлением металлических бляшек, продолжалось в период оживленных торговых связей с Византией, достигло расцвета в VIII в. и просуществовало до установления контактов с каролингским ремеслом. Гипотеза о более позднем появлении бронзовых предметов возникла потому, что у авар на первом этапе не было больших могильников, которые возникли только после похода на Константинополь (626 г.), когда авары после понесенного ими поражения начали упорядочивать свои отношения с местным славянским населением.

Рассматривая блатницкую группу памятников, относящихся к тому периоду, когда аварское литейное дело оказывало влияние на каролингское ремесло, Я. Эйсер указывает, что возникновение литейного дела и производства женских украшений (прежде всего серег) в Моравии, а также гончарное и кузнечное производство восходят своими корнями к ремеслу Подунавья и что в конце VIII—начале IX в. ремесленная продукция Моравии изготовлялась руками местных мастеров. Литье украшений для воинского пояса и конской упряжи пришло в упадок, но гончарные и кузнечные мастерские продолжали работать, а также развивалось местное производство женских украшений, опирающееся не на аварские, а на античные и византийские традиции.

К работе Я. Эйсера примыкают монографии Б. Свободы и П. Радомержского¹⁰, посвященные серебряному кладу, найденному в 1937 г. в округе Крупина в Словакии, в селе Земянски Врбовок¹¹, и принадлежащему к многочисленной группе серебряных кладов, среди которых самым известным является клад из Мартыновки близ Канева.

¹⁰ B. S v o b o d a. Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku. „Památky Archeologické“, 44, 1953; P. R a d o m ě ř s k ý. Byzantské mince z pokladu v Zemianském Vrbovku. Ioid.

¹¹ Все найденные предметы хранятся в коллекции памятников первобытного искусства Словацкого Национального музея в Турчанском Мартине.

Клад из Земянского Врбовка, по монетам датированный второй половиной VII в., содержит, кроме 18 византийских монет, сосуды (чаша и две полусферические миски — наиболее замечательные среди найденных предметов), украшения (две пары браслетов, ожерелье, серьги) и разные мелкие предметы, — все из сравнительно чистого серебра. Всесторонний анализ отдельных предметов, их форм, способа отделки и техники изготовления, а также сравнение их с европейским материалом подкрепляет выводы Я. Эйснера: этот клад не имеет связи с аварской культурой и, наоборот, подтверждает непрерывность традиций паннонских мастерских от римской эпохи до VII в. Найденные вещи несомненно принадлежали византийскому чеканщику и серебряных дел мастеру, который принес их в Паннонию в период мирного сосуществования Византии с аварами после 626 г.: быть может, они должны были служить ему материалом для изготовления серебряных изделий. Полагают, что клад был закопан при бегстве чеканщика из Карпатской котловины, когда после утверждения болгар на Балканском полуострове вновь создалось напряженное положение. Эта находка служит косвенным доказательством того, что Паннония еще в VII в. принадлежала к сфере влияния византийской культуры и имела сношения с Константинополем.

П. Радомержский дает в своей работе прежде всего обзор находок римских и византийских монет на чешской и словацкой территории, кончая золотой монетой императора Юстиниана, найденной в Олышовцах. Более поздние золотые монеты начинаются только с правления императора Василия I: золотые византийские монеты конца VI—начала IX в. до сих пор на чешской и словацкой территории неизвестны. Поэтому особое внимание привлекает клад из Земянского Врбовка, который содержит 17 монет Констанция II (641—668) и одну монету, чеканенную в начале правления Константина IV (668—685).

Следовательно, хотя авары и прервали старые связи Византии с севером, торговля не замерла окончательно. Это подтверждается и находкой четырех «бронзовых» монет карфагенской чеканки VII в., обнаруженных в 1950 г. в Силезии, в селе Грознова, близ Крнова. К аварам золотые византийские монеты попадали или в результате платежей, которыми империя покупала себе мир, или при торговых сношениях в более спокойные периоды. Однако начиная с правления Константина IV, после возникновения Болгарского государства, приток золотых солидов прекращается вовсе. Одновременно прекращается и византийский импорт. Нумизматические исследования позволяют датировать ранний аварский период, когда преобладали византийские влияния, 568—679 гг.

Автор дает затем описание и датировку монет с указанием их числа и метрологических данных, а также соответствующей литературы вопроса. Он указывает на исключительно важное значение этой находки: это первая массовая находка серебряных византийских монет вне границ византийской территории, находка, не имеющая себе равных в Европе. Она является нумизматическим подтверждением сообщения Chronikon Alexandrinens об изменениях в старой византийской монетной системе, когда в 615 г. Ираклий начал чеканить наряду с серебряными миаляриями тяжелые серебряные гексограммы. В кладе из Земянского Врбовка был найден гексограмм чеканки Констанция II и гексограмм времени Константина IV. Ограниченное число видов чеканки на лицевой и оборотной стороне свидетельствует, что этот клад был, по мнению автора, спрятан вскоре после 668 или в начале 70-х годов VII в. Для хозяина этих монет они, по-видимому, не имели значения платежного средства и должны были служить в качестве сокровища.

Вопросу о соотношении аварской и славянской культуры в Моравии посвящен большой труд брненского археолога Йосифа Поулика¹², где рассматривается культура древнейшего славянского населения Южной Моравии. Южноморавская низменность тянется от Павловских гор и бассейна рек Дьи и нижней Моравы на юг до Дуная. Исследование археологических памятников показывает, что в Моравию проникало творческое воздействие от славянского населения Карпатской котловины, а вместе с тем и значительное византийское влияние. Й. Поулик также пришел к заключению, что Словакия и Моравия не были сплошь заселены аварами. Большая часть предметов из поселений и могил была изготовлена руками местного населения, состоявшего из земледельцев и ремесленников. Находки кестельских (аварских) предметов, литых из бронзы, в Моравии встречаются только спорадически, кроме одного могильника Дольни Дунайовице над рекой Дьей, исследование которого еще не закончено. По мнению Й. Поулика, это поздние импортированные предметы, изготовленные в аварских мастерских после падения аварского государства; среди них появляются украшения, отлитые по византийским образцам. Подражание византийским образцам он объясняет торговыми соображениями, так как предметы во вкусе кочевников не пользовались успехом у славян. Около 800 г. происходит важное изменение в славянском погребальном ритуале: трупосожжение уступает место погребению в глубоких ямах, — по мнению Й. Поулика, тоже под влиянием, идущим из Карпатской котловины. Одновременно в Моравии начинается интенсивный рост производительных сил и подъем культуры, а вследствие этого накопление индивидуального богатства и классовое расслоение.

Основной проблемой, встающей перед историками в связи с археологическими исследованиями на территории Южной Моравии, является вопрос о возникновении Великоморавского княжества и его сношениях с Византией. Решение этого вопроса должно пролить свет на возникновение моравской (а следовательно, и чешской) государственности. Дело в том, что для периода от заселения славянами Моравии до IX в. у нас нет никаких письменных источников — ни местных, ни иностранных, — и поэтому только археология способна установить, созрели ли в ту пору экономические и социальные предпосылки для возникновения государства.

В этой связи возникает ряд вопросов, среди которых немаловажным является вопрос о времени, которым мы можем датировать появление славянского населения в Моравии. Раскопки на южноморавской территории, с которыми нас в значительной мере знакомит труд Й. Поулика, были начаты в 1945 г. Самые важные открытия были сделаны в селе Пржитлуки и в Старом Месте в Моравии.

В Пржитлуках на Дье открыт один из самых больших и самых древних могильников западных славян: древнейшие погребения в нем относятся, по-видимому, уже ко второй половине IV в. Было обнаружено свыше 500 могил с трупосожжением. Вблизи могильника было найдено типичное славянское поселение с квадратными и несколько углубленными в землю жилищами с каменным очагом в углу. Памятники из Пржитлук вместе с находками из других южноморавских могильников доказывают, что славяне были новой этнической группой, переселившейся на эту территорию: с появлением славянских памятников исчезают могильники и поселения римской эпохи (I—IV вв. н. э.). Следовательно, славянское население Моравии не было автохтонным: оно проникло сюда с территории севернее

¹² J. Poulik. Jižní Morava, země dávných Slovanů. Brno, 1948—1950.

Карпат — между Одером и Днестром — в IV в., а по мнению Й. Поулика, — вероятно, уже в III в. н. э. Развитие культуры славянского населения Моравии вплоть до образования раннефеодального государства в IX в. яснее всего прослеживается благодаря находкам в Старом Месте.

Старе Место (Велиград¹³ — близ г. Угерске Градиште) было населено уже в позднем палеолите. Хотя археологи давно уже обратили внимание на этот район, его систематическое исследование началось только в 1948 г. Некрополь только на одном восточном участке «На валах» достигает таких размеров, что подобного ему вообще нет у западных славян. То, что было вскрыто охранными раскопками, составляет по предварительной оценке только $\frac{1}{20}$ всего могильника. Могилы с трупосожжением и трупоположением в западной части, на участке «Шпитальки», и объекты в поселении еще вообще не исследованы. До сих пор было обнаружено и исследовано 1479 могил, которые, за исключением шести, все относятся к IX—X вв., а также открыты остатки трех церквей. В 1948 г. при раскопках могильника были обнаружены остатки фундамента небольшого христианского храма «На валах», в 1949 г. — остатки фундамента большого храма «На Шпитальке» с ярко выраженными чертами византийской архитектуры, в 1953 г. — остатки фундамента храма в селе Модра. Эти находки заставляют поставить вопрос, не является ли Старе Место резиденцией и центром деятельности солунских братьев Кирилла и Мефодия.

Старому Месту посвящена большая монография бременского археолога В. Грубого¹⁴, содержащая подробный отчет о раскопках, анализ материала и выводы автора. Византийскому влиянию на материальную культуру населения Старого Места посвящены две связанные между собою главы: «Керамика византийского типа» и «Серьги византийско-восточного типа».

Могильник в Старом Месте служил кладбищем у славянского населения от конца аварского господства в Карпатской котловине приблизительно до середины X в. Всесторонний анализ материальной культуры показывает высокую степень развития местного ремесленного производства в IX в. О влиянии «подунайской» и «византийско-восточной» культуры свидетельствует необычайное количество драгоценных украшений, накопленных в Старом Месте. Что касается керамики, то В. Грубый относит к керамике византийского типа 6 сосудов из тонко отмученной глины¹⁵ (находка «На валах»), которые по материалу и по способу изготовления принадлежат к античному типу и в IX в. могли быть изготовлены только мастерами из области, где еще сохранялась техника старых римских мастерских, т. е. византийскими мастерами. Однако, по мнению В. Грубого, эти предметы были не импортированы, а изготовлены в самом Старом Месте ремесленниками из Византийской империи, которые сопровождали миссию Кирилла и Мефодия: дело в том, что эта керамика изготовлена из того же материала оранжевого цвета, что и плитки пола в храме «На валах» или черепица — предметы, которые не могли быть импортированы. Местные моравские гончары не усвоили этой техники: в других находках нет и следов ее, позднее она тоже не встречается.

Византийскими украшениями на чешско-моравской территории занимался уже Л. Нидерле, который констатировал, что здесь особенно большим успехом пользовались серьги. В могильнике «На валах» найдено

¹³ Название Veligrad упоминается в документе 1131 г.; после 1257 г. — это Старе Место.

¹⁴ V. Hrubý. Staré Město. Velkomoravské pohřebiště „Na Valách“. Praha, 1955. „Monumenta Archaeologica“, vol. III.

¹⁵ Две амфоры с двумя ручками, два простых кувшина с узким горлышком, двойной сосуд из двух кувшинчиков и односторонне выпуклая фляга.

678 серег, которые В. Грубый (по Я. Эйсеру) подразделяет на серьги «подунайского» и «византийско-восточного» типа. Интересующие нас серьги последнего типа могут быть разделены на 6 групп, среди которых особенно часты гроздевидные серьги: их насчитывается 303 из общего числа 592. Самые простые гроздевидные формы встречаются в наиболее древних могилах с труположением; они исчезают в начале X в. Наиболее эффектные золотые серьги с бусинами относятся, по мнению В. Грубого, к последней четверти IX в. К последним годам существования Великой Моравии относится, без сомнения, и серебряная шейная гривна тонкого плетения, найденная вместе с золотыми пуговицами и золотыми серьгами в виде лунницы. Перстней было найдено только 24, и среди них лишь несколько экземпляров византийско-восточного типа. В. Грубый в заключение высказывает догадку, что в период наиболее тесных сношений Великой Моравии с Византийской империей в Моравии временно существовала «ювелирная школа», сложившаяся под руководством византийских мастеров и подражавшая византийским образцам.

Затем В. Грубый отмечает сильное влияние Моравии на Чехию, отразившееся, в частности, на характере украшений; он датирует тесные связи Чехии с Моравией временем после смерти Святополка в 894 г. Эта датировка, однако, встретила критическое отношение. Я. Эйсер, опираясь на материалы Й. Поулика и В. Грубого, указывает, что сильное влияние Моравии на Чехию имело место уже и ранее¹⁶. Археологические исследования доказывают, что в Чехии уже в VIII в. существовали большие «грады» (кремли). Сношения чешских центров с моравскими начинаются в конце VIII или в начале IX в., что доказывается находками литых бронзовых украшений аварского стиля, которые в единичных случаях встречаются в наиболее важных пунктах, например в граде Либице (на Лабее) или в окрестностях древнего града Шарки, близ Праги. Сношения Чехии с Моравией продолжались и позже, что доказывается находками в Чехии некоторых керамических и железных предметов и особенно украшений, сходных с велиградскими. Первоначально их имели только вельможи и население, могильники которого находятся вблизи наиболее крупных чешских градов, но они встречаются и в других местах, всегда в могилах с труположением. На кладбищах вблизи Пражского замка, основанного в самом конце IX в., как показывают произведенные до сих пор исследования, уже нет драгоценных велиградских изделий византийского типа. У населения, которое обитало здесь около 900 г., встречаются лишь простые украшения, которые характерны для последнего этапа деятельности велиградских мастеров. В отличие от В. Грубого Я. Эйсер относит время влияния большого велиградского центра и его ремесленных мастерских на передовые чешские области к середине и ко второй половине IX в. и полагает, что тогда в Чехию из Моравии проникали не только изделия искусных моравских ювелиров, но и духовные течения, охватившие Моравию и особенно сильные в Старом Месте, — иными словами, христианство, насаждавшееся византийскими миссионерами Кириллом и Мефодием.

Самую большую сенсацию из всех находок в Старом Месте вызвали остатки храмов, которым, кроме соответствующих глав в трудах археологов Й. Поулика и В. Грубого, посвящено несколько монографий¹⁷.

¹⁶ J. Eisner. Počátky českého šperku. „Památky Archeologické“, 46, 1955.

¹⁷ См. особенно: J. Cibulka. Velkomoravské kostely objevené r. 1949 ve Starém Městě, 1950 (машинопись); J. Böhm. Deux églises datant de l'Empire de Grande Moravie, découvertes en Tchécoslovaquie, Byzantinoslavica, XI, 1950; J. Pošmourný. Chrám cyrilometodějské na Velké Moravě, Umění, 1/1, 1933; Spectator — J. Cibulka. K novému archeologickému průzkumu na historické půdě Starého Města — Velehradu.

Разрешенным теперь считается вопрос о характере постройки в селе Модра и храма «На Шпитальке», тогда как с храмом «На валах» все еще связан ряд не совсем разрешенных проблем. Й. Цибулька в докладе, читанном в ноябре 1955 г., удалось убедительно показать, что храм в селе Модра является постройкой ирландско-шотландского происхождения¹⁸. Из этого можно сделать вывод, что христианство распространялось в Моравии (как и среди словенцев во время деятельности епископа Виргилия в Зальцбурге в VIII в.) при посредстве ирландско-шотландских миссионеров, приходивших (еще до Кирилла и Мефодия) из ближайшего монастыря в Кремсмюнстере. Так как во Франкском государстве в 803—816 гг. ордена франкских монастырей были повсеместно заменены орденом бенедиктинским, Й. Цибулька относит деятельность ирландско-шотландских миссий к самому началу IX в. Как бы то ни было, храм в селе Модра свидетельствует о том, что начало христианства, а также появление каменной архитектуры в Моравии надо отодвинуть к первой половине или даже к началу IX в.

Храм «На Шпитальке» (а также и храм «На валах») имеет прямоугольный неф¹⁹, к которому примыкает с восточной стороны полукруглая вытянутая апсида; в храме «На Шпитальке» имеется к тому же и нартекс, характерный для византийских церковных построек. Этот храм датируют временем деятельности Кирилла и Мефодия. Решить вопрос о времени сооружения более простой постройки «На валах» впервые попытался Й. Цибулька, который отнес ее к первой половине IX в. (около 825 г.); он считал, что ее архитектура восходит к древнехристианским традициям, опосредствованным болгарским влиянием. Этот вопрос стал предметом специального исследования в работе И. Пошмоурного, который отмечает, что оба храма — «На валах» и «На Шпитальке» — по своей конструкции принадлежат к группе византийских крестовокупольных храмов, развитие которых можно ясно проследить, начиная от храма св. Софии в Солуни V в. до IX в. Это тип миссионерского храма, все пропорции которого выводились из одного размера — ширины апсиды. В соответствии с этим Й. Пошмоурный относит возникновение обоих храмов к периоду деятельности Кирилла и Мефодия (863—885 гг.). И В. Грубый датировал храм «На валах» второй половиной IX в. По мнению И. Пошмоурного, огромный могильник, расположенный вокруг этой небольшой церкви, более древен, нежели храм, поскольку западная стена последнего перерезает одно погребение. Он считает этот могильник местом захоронения простолюдинов, в то время как погребения «На Шпитальке» (особенно могилы в нартексе) принадлежали господствующему классу; такое обособление могильника господствующего класса соответствовало характеру раннефеодального моравского государства.

Старе Место является единственным известным в Моравии значительным церковным центром, который мы могли бы связывать с кирилло-мефодиевской традицией: поэтому вполне обосновано заключение Я. Эйнера и некоторых других чешских историков, которые пришли к выводу, что там находилась резиденция архиепископа Мефодия, а быть может, также и резиденция князей Великой Моравии.

Duchovní pastýř, IV, 1954; J. Kadlec. Kostel v Modré a začátky křesťanství na Moravě v letech 800—850. Časopis přátel starožitností, LXIV/1, 1956; V. Hrubý—V. Hořmanová—J. Pavelčík. Kostel a pohřebiště z doby velkomoravské na Modré u Velhradu. Časopis Moravského musea, XL, 1955.

¹⁸ Характерные черты: прямоугольная алтарная часть и вплотную перед ней в прямоугольном нефе выдвинутая поперечная стена в форме буквы Т с продушинами у боковых стен храмового нефа.

¹⁹ Размеры нефа 8,50 × 7,25, апсиды — 5 × 4,25.

Раскопками в Старом Месте не исчерпываются моравские находки последних лет. В 1954—1955 гг. близ села Микульчице, на правом берегу Моравы, были открыты остатки славянского каменного города. занимающие площадь свыше 100 га; их исследование потребует не менее 15—20 лет. Пока удалось вскрыть фундаменты трех храмов, расположенные один над другим. Самый нижний из них датируется, судя по находкам отдельных предметов, концом VIII в. Сейчас можно сказать, что городище близ села Микульчице относится к IX в., к эпохе Великой Моравии, но пока еще невозможно предвидеть те результаты, которые дадут раскопки²⁰.

Изучение византийского общества и его культуры было в последние годы сосредоточено в журнале «Byzantinoslavica» (редакторы Б. Гавранек и М. Паулова, а с 1953 г. Б. Гавранек и А. Достал). Содействуя международному сотрудничеству византиноведов, журнал сразу же после Второй мировой войны опубликовал обзоры работ по византиноведению в отдельных странах (кн. IX, 1947); с X книги журнал помещает аннотированную библиографию византиноведческих работ, составленную учеными самых различных стран; при этом журнал очень рано завязал сношения с советскими исследователями (акад. Е. А. Косминским, М. В. Левченко, Н. С. Лебедевым), а также опубликовал ряд рецензий на труды советских ученых, способствуя тем самым пропаганде достижений советского византиноведения. Редакция «Byzantinoslavica» привлекла к сотрудничеству в журнале многих видных исследователей из разных стран, в особенности из стран народной демократии, так что журнал этот все больше становится византиноведческим органом народно-демократической науки. Статьи, имеющие известное отношение к византиноведению, помещают также некоторые другие журналы ЧСАН, как-то «Archiv orientální», «Slavia», а в последнее время и «Listy filologické». Преподавание истории Византии сосредоточено главным образом на философско-историческом факультете Карлова университета в Праге (кафедра византийской и славянской истории, доктор М. Паулова). В учебный план включен краткий обзор византийской истории на II курсе, с возможностью ведения семинара и лекций на старших курсах. В Брне доцент Й. Кабрда разрабатывает историю феодальных отношений на Балканском полуострове в период турецкого владычества. Проблемами византиноведения занимаются младшие научные сотрудники некоторых институтов ЧСАН: Б. Застерова, М. Лоос, Г. Туркова, Р. Досталова-Еништова, а также П. Раткош в Словакии.

Влияние марксистской методологии на труды чехословацких византиноведов проявляется уже в самом выборе тем и постановке проблем. Большое внимание уделяется кирилло-мефодиевской проблеме: с 1950 г. журнал «Byzantinoslavica» ввел в библиографическом отделе специальную рубрику для литературы по этому вопросу. Проблемам, связанным с историей Великой Моравии, была посвящена конференция чехословацких ученых, проведенная в апреле 1953 г. в Либлицах, где основные дискуссионные доклады делали Й. Бем и Ф. Граус²¹. В 1954 г. Ф. Граус вернулся к этой проблеме в рецензии на работу по истории Великой Моравии, написанную Я. Деканом²². Центральное место в дискуссии занимал вопрос о характере

²⁰ О находках сообщил Й. Поулик в нескольких лекциях и в статье *Tajemství Velké Moravy. Lidová Demokracie*, 23.X.1955.

²¹ Она была организована Историческим институтом ЧСАН. См. *Sovětská Věda. Historie*, III/4, 1953; P. Oliva. *Diskuse o charakteru Velkomoravské říše. Československý Časopis Historický*, 1/3, 1953.

²² F. Graus. *Ján Dekan, Začiatky slovenských dejín a Vel'komoravska ríša. Slovenská Archeologia*, II, Bratislava, 1954.

общественных отношений в Великоморавском государстве, а также проблема возникновения и развития государственности в чешских областях²³.

Большой интерес для византиниста представляет статья Й. Вашицы о древнейшем славянском законодательном памятнике «Закон судный людем»²⁴. На основании лингвистических данных, анализа паннонских легенд и других источников того времени, а также исходя из рукописной традиции, автор доказывает кирилло-мефодиевское происхождение этого памятника и считает наиболее вероятным его автором Константина-Кирилла. Если принять эту гипотезу, открывается новое поле для суждений о влиянии византийского права на правовые отношения в Великой Моравии.

Интерес историков привлекает и более поздняя кирилло-мефодиевская традиция, в особенности проблематика, связанная с монастырем «На Слованех» времен Карла IV. В январе 1952 г. в Эмаусском монастыре в Праге был открыт новый отрывок хорватской глаголической псалтыри, описание и анализ которого дал Й. Курц²⁵; изучению деятельности хорватских монахов и славянской литургии того же монастыря посвящена и монография М. Пауловой, рассматривающая использование кирилло-мефодиевских традиций в политике Карла IV²⁶. Все эти данные свидетельствуют о том, что монастырь «На Слованех» был выдающимся очагом славянской культуры, который оживил местную кирилло-мефодиевскую традицию и должен был впоследствии по желанию Карла IV содействовать заключению церковной унии с Сербией (при Стефане Душане) и пропаганде на славянском языке католицизма среди сербов.

Чехословацкие византинисты изучают также проблему богомилства (болгарского и византийского) и историю павликянства. М. Лоос показал, что упоминание о манихеях в «Шестоднев» Иоанна Экзарха нельзя относить к болгарской действительности того времени и что этот памятник вообще не содержит указаний на существование богомилства или какой-либо иной дуалистической ереси на территории Болгарии в царствование Симеона²⁷. В другой работе М. Лоос критически рассматривает греческие источники, относящиеся к павликянству²⁸.

Большое внимание чехословацкие ученые уделили древнерусскому эпосу «Слово о полку Игореве». Вопрос о его подлинности вновь подняли во время второй мировой войны французские слависты и прежде всего А. Мазон. Советские ученые не сочли необходимым вновь вернуться к этой проблеме, считая достаточно твердо доказанной подлинность «Слова». Некоторые западноевропейские и американские ученые (Р. Якобсон, А. Грегуар) отвергли эту новую попытку возобновить старые сомнения. Все эти сочинения рассмотрел в обширном обзоре чешский славист А. Достал, который показал несостоятельность утверждений французской

²³ Изучением феодализма в Великой Моравии занимается П. Раткош [P. Ratkoš. Počiatky feudalizmu na Slovensku (K problematike raného feudalizmu v našich krajinách). Historický časopis, II/2, 1954; этой же проблематике посвящено исследование, подготовляемое Б. Застеровой.

²⁴ J. Vašica. Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien Code Slave dit „Zakon sudnyj ljudem“. Byzantinoslavica, XII, 1951.

²⁵ J. Kurz. O nově nalezeném emauzském charvátskohlaholském zlomku žaltáře. Slavia, 22, 1953.

²⁶ M. Paulova. L'idée cyrillo-méthodienne dans la politique de Charles IV et la fondation du monastère slave de Prague. Byzantinoslavica, XI, 1950.

²⁷ M. Loos. Le prétendu témoignage d'un traité de Jean l'Exarque, intitulé „Šestodnev“ et relatif aux bogomiles. Byzantinoslavica, XII, 1952.

²⁸ M. Loos. Deux contributions à l'histoire des pauliciens. I: A propos des sources grecques reflétant des pauliciens. Byzantinoslavica, XVII/1, 1956. В книге XVIII выйдет вторая часть, посвященная вопросу о происхождении самого названия павликян.

школы, противоречащих данным лингвистики, стилистики и литературоведения²⁹. А. Достал вернулся к этому вопросу еще раз, рассмотрев новые работы советских ученых о «Слове», написанные в связи со столетием пятидесятилетия первого издания этого памятника³⁰. Эту тему изучает также С. Вольман³¹.

Большое число выдающихся работ отечественных и иностранных авторов было опубликовано журналом «Byzantinoslavica» в связи с пятисотлетием падения Константинополя. Они были собраны в XIV книге³², а частично и в следующей³³. Эти статьи были посвящены событию, оказавшему большое влияние на судьбы балканских народов, всей Средней Европы и специально славян, для которых, как говорится в передовой статье XIV книги журнала, «пятисотлетие падения Константинополя тесно связано с самыми тяжелыми воспоминаниями о глубокой национальной трагедии». Чешский народ также принимал участие в борьбе против османов. Из работ советских авторов, посвященных этой теме, обратила на себя внимание статья Э. В. Удальцовой о внутренних причинах катастрофы, которые русский автор усматривает в несоответствии между производительными силами, приводившими к образованию элементов уже нарождающегося капитализма, и застывшими формами феодальных производственных отношений. Этой статье был посвящен специальный реферат Б. Застеровой, опубликованный в кн. XV.

В дальнейшем редакция журнала «Byzantinoslavica» будет стремиться к укреплению личных отношений со своими сотрудниками, особенно в форме подготовки небольших рабочих совещаний и т. д. Одна из основных тем, которой чехословацкие византилисты посвящают сегодня свое внимание, это проблема взаимоотношений между народами теперешних стран народной демократии и Византией.

М. Паулова.

РАБОТЫ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПАПИРОЛОГИИ (1945—1955)

Папирология — это наука, содержание которой определяется: с одной стороны — специфическим материалом, на котором написаны памятники, а с другой — определенными географическими и историческими рамками этих памятников. Источники для папиролога — это десятки тысяч текстов на папирусах, в преобладающей части греческих и значительно реже латинских, демотических и коптских, систематические находки которых начались приблизительно полвека тому назад и с той поры становились все разнообразнее и богаче, открывая широкое поле для научных исследований

²⁹ A. D o s t a l. Dispute de l'authenticité du Slovo d'Igor dans la science occidentale. Byzantinoslavica, X, 1949.

³⁰ A. D o s t a l. Les derniers travaux soviétiques relatifs au „Slovo o polku Igoreve“. Byzantinoslavica, XIII, 1952—1953.

³¹ S. V o l l m a n. Slovo o polku Igoreve. Stav výzkumů 150 let po I. vydání. Slovesná věda, III, 1950; S. V o l l m a n. K otázce o řečnické povaze Slova o pluku Igoreve, Slavia, 25, 1956.

³² M. T u r k o v a. Le siège de Constantinople d'après le Seyahâtname d'Evliyâ Çelebi (Продолжение в кн. XVII, стр. 125—127); J. V. P o l i š e n s k ý. Bohemia, the Turk and the Christian Commonwealth (1462—1620); J. M a c ů r e k. — Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя; M. P a u l o v á. L'Empire byzantin et les Tchèques avant la chute de Constantinople.

³³ F. T a u e r. Les versions persanes de la légende sur la construction d'Aya Sofya; J. K a b r d a. Les problèmes de l'étude de l'histoire de la Bulgarie à l'époque de la domination turque. Byzantinoslavica, XV, 1954.